

Munich Personal RePEc Archive

The Evolutionary Theory of Economic Policy: Part II: The Necessity of Timely Switching

Polterovich, Victor and Popov, Vladimir

2006

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/22170/>
MPRA Paper No. 22170, posted 18 Apr 2010 06:49 UTC

*В. ПОЛТЕРОВИЧ,
академик РАН,
зав. лабораторией ЦЭМИ РАН,
первый проректор Российской экономической школы (РЭШ),*

*В. ПОПОВ,
доктор экономических наук,
профессор РЭШ,
зав. отделом Высшей школы международного бизнеса АНХ при
Правительстве РФ*

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ. ЧАСТЬ II. НЕОБХОДИМОСТЬ СВОЕВРЕМЕННОГО ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ

В первой части данной работы исследовалась эволюция экономической политики, применявшейся странами «экономического чуда» и западными странами в процессе догоняющего развития¹. Проведенный анализ позволил выявить характерные направления этой эволюции: от импортозамещения к экспортной ориентации, от управления тарифами к неселективной политике регулирования реального валютного курса, от заимствования к инновациям, от создания крупных фирм к поддержке малых и средних предприятий. Во второй части мы продолжим рассмотрение вопроса о том, как должны меняться

инструменты и методы стимулирования экономического роста по мере приближения благосостояния и качества институтов страны к уровню передовых экономик, с использованием результатов эконометрических расчетов по данным о более чем 100 странах за 25 лет (1975–1999 гг.). Хотя полученные выводы нельзя признать окончательными, они в целом указывают на существование пороговых значений душевого ВВП или институциональных переменных, по достижении которых эффект влияния политики меняет свой знак. Тем самым подтверждается верность эволюционной концепции, изложенной в первой части работы.

Основная идея расчетов и исходные данные

Основная идея расчетов состоит в вычислении регрессионных соотношений следующего вида:

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + P(A - Y),$$

где GR – среднегодовой темп роста ВВП на душу населения в 1975–1999 гг. В правой части кроме константы и контрольных переменных имеется нелинейное слагаемое $P(A - Y)$, где: P – переменная политики; Y – характеристика стадии; A – критический уровень.

Каждой стране из выборки соответствует свой набор значений этих переменных. Если $Y < A$, то увеличение P положительно влияет на рост данной страны, если $Y > A$, то – отрицательно. Вместо одной переменной состояния Y можно анализировать их комбинации; тогда речь идет об отыскании критических линий или поверхностей. Ниже будут рассматриваться такие переменные, как тарифы, золотовалютные резервы, приток иностранных инвестиций, затраты на исследования и на заимствование технологий, скорость иммиграции².

¹ Полтерович В., Попов В. Эволюционная теория экономической политики. Часть I. Опыт быстрого развития // Вопросы экономики. 2006. № 7.

² Строго говоря, приток иностранных инвестиций и скорость миграции не являются переменными политики. Однако, исследуя их влияние на экономический рост, мы тем самым

Стадии можно характеризовать наборами знаков влияния *переменных политики* (например, на первой стадии приток иностранных инвестиций и мигрантов тормозит рост, а на третьей – ускоряет его). Однако для строгого выделения стадий необходим более обширный статистический материал, нежели тот, которым мы располагаем. Поэтому мы ставим перед собой более скромную задачу – продемонстрировать существование критических уровней по крайней мере для некоторых важных переменных политики.

В качестве переменных *состояния экономики* мы принимаем отношение ее душевого ВВП к соответствующему показателю для США, а также индикаторы, отражающие качество институтов: индексы коррупции и инвестиционного климата.

В расчетах используется база данных Всемирного банка (World Development Indicators), содержащая данные о более чем 200 странах за 1975–1999 гг.; индекс восприятия коррупции *CPI* (Corruption Perception Index) за 1980–1985 гг., исчисляемый агентством Transparency International; индекс инвестиционного климата *IC* за 1984–1990 гг. (Investment Climate Index. The International Country Risk Guide. World Bank, 2001) и ряд других источников. Институциональные индексы за 1980-е годы доступны для 53 стран (*CPI*) и 123 стран (*IC*). Однако в базе данных Всемирного банка имеются пропуски, что ограничивает возможности расчетов.

Вопрос о том, как правильно определять переменные, характеризующие стадии модернизации и экономическую политику, сложнее, чем кажется на первый взгляд. Восприятие коррупции обусловлено фундаментальными экономическими параметрами страны, а также принятыми правилами (мерами по борьбе с коррупцией, процедурами отбора чиновников и т. п.) и массовой культурой. Фундаментальные переменные, такие как ВВП на душу населения,

устанавливаем знаки влияния тех инструментов, посредством которых можно воздействовать на эти потоки.

мы учитываем непосредственно в регрессии роста. При этом включение индекса коррупции в ту же регрессию часто приводит к незначимости из-за сильной коррелированности регрессоров. Чтобы преодолеть указанную проблему, мы поступаем следующим образом.

Вначале строим регрессию среднего индекса коррупции за 1980–1985 гг. на Y_{75} – значение душевого ВВП в 1975 г. в % от уровня США в том же году (мы располагаем соответствующими данными для 45 стран). Получаем:

$$CPI_{\text{пред}} = 2,3 + 0,07 * Y_{75}, N = 45, R^2 = 59\%, t = 9,7.$$

Здесь и далее N – число точек (стран, для которых найдены необходимые данные), R^2 – коэффициент детерминации (квадрат коэффициента корреляции), через t обозначена t -статистика.

Затем мы вычисляем остаток ($CPI - CPI_{\text{пред}}$) – разность фактического и прогнозируемого значений, полагая, что именно эта величина характеризует относительное качество институтов каждой страны. Наконец, вычитаем полученный остаток из 10, так чтобы большим значениям получающегося индикатора CR соответствовал более высокий уровень коррупции:

$$CR = 10 - [CPI - (2,3 + 0,07Y_{75})] = 12,3 - CPI + 0,07 * Y_{75}. \quad (1)$$

Значения показателя CR , который мы называем *индекс остаточной коррупции*, фактически изменяются в диапазоне от 6 до 14. Аналогичную процедуру мы проделали с индексом инвестиционного климата, получив *индекс остаточного инвестиционного климата* в 1984–1990 гг.³

Накопление золотовалютных резервов и реальный валютный курс

Политика протекционистской защиты внутреннего рынка и субсидирования экспортных отраслей может быть успешной лишь при относительно низком

³ *Индекс остаточного инвестиционного климата* рассчитан как остаток из регрессии:

$$IC_{84-90} = 51,5 + 0,22Y_{75}, N = 94, R^2 = 30\%. \text{ Коэффициент значим на уровне } 1\%.$$

уровне коррупции (хорошем качестве институтов). Дело в том, что селективная поддержка экспорта и защита внутреннего производства часто оказываются неэффективными, порождая злоупотребления чиновников и стимулируя лоббистскую активность. Поэтому на стадии инициации роста многие страны стремились поддерживать заниженный реальный валютный курс или заниженный (по сравнению с мировым) уровень внутренних цен. Такая политика стимулировала развитие экспорта и защищала отечественных производителей от избыточной конкуренции⁴.

Важнейший инструмент управления реальным валютным курсом – золотовалютные резервы центральных банков. Обычно считается, что их накопление необходимо для выполнения трех задач: обслуживания импортных операций, выплаты внешнего долга и обеспечения стабильности валютного рынка. Однако, как было показано в недавнем исследовании⁵, накопление золотовалютных резервов может способствовать ускорению экономического роста.

Предъявляя спрос на доллары, центральный банк удерживает внутренние цены (точнее, цены неторгуемых товаров) на относительно низком уровне и тем самым облегчает развитие экспортного сектора и новых отраслей отечественного производства. Эта политика имеет два очевидных недостатка. Во-первых, изымаемая валюта могла бы использоваться для инвестиций. Поскольку внутренняя норма отдачи в быстро развивающихся странах обычно больше ставки процента на мировых рынках, накопление резервов связано с потерями. Во-вторых, накапливаемые резервы оплачиваются отечественной валютой, что

⁴ *Монтес М.Ф., Попов В.В.* «Азиатский вирус» или «голландская болезнь»? Теория и история валютных кризисов в России и других странах. М.: Дело, 1999.

⁵ *Polterovich V. M., Popov V. V.* Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. Paper presented at the 10th NES Anniversary Conference. Moscow, December 2002.

может способствовать росту инфляции. Потери от накопления резервов компенсируются с лихвой, если развитие экспортного сектора достаточно сильно и позитивно сказывается на внутреннем производстве и рыночных институтах. Есть основания полагать, что на стадии инициации роста экспортная деятельность обладает сильным экстернальным эффектом, являясь важным источником накопления знаний, каналом передачи информации о современных технологиях производства и методах управления.

Накопление резервов – универсальный инструмент, он оказывает влияние на все экспортные и импортные отрасли. С помощью тарифов возможна более тонкая селективная политика. Однако, как уже отмечалось, она является объектом лоббирования, которое способно сделать ее выбор с точки зрения общества нерациональным. Повлиять на темпы накопления резервов группам интересов гораздо сложнее.

В недавней работе Д. Родрика было высказано предположение о том, что занижение валютного курса способствовало ускорению экономического роста в Чили и Ботсване⁶. Наши исследования показывают, что на определенных этапах аналогичную политику проводили и страны Юго-Восточной Азии, где накопление валютных резервов центральными банками являлось одним из главных способов поддержки экспорта. Такой была стратегия Японии, Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура несколько десятилетий назад, когда они еще были «бедными» и догоняли развитые страны; такова в последние десятилетия стратегия ряда восточно-азиатских государств, которые поддерживают валютный курс на уровне 20–40% ППС (Китай – ниже всех: всего 25% ППС). В 1999 г. страны Юго-Восточной Азии располагали почти 60% всех золотовалютных резервов мира. Только на Китай (включая Гонконг и Тайвань) приходится почти 1/4 всех мировых резервов. Отношение золотовалютных резервов к ВВП почти во всех

⁶ *Rodrik D.* Growth Strategies: Working draft for eventual publication in the Handbook of Economic Growth. April 2003 (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/growthstrat10.pdf>).

восточно-азиатских странах превышает 20% против 6–7% в среднем в мире и 1,5% в США.

Подчеркнем, что накопление золотовалютных резервов с целью занижения реального валютного курса целесообразно, только если экспорт оказывает сильное экстернальное воздействие на экономику. Такая ситуация имеет место на второй и, возможно, на третьей стадии модернизации. На первой стадии доминирует экстерналия обучения (*learning by doing*): освоение новых технологий на одном предприятии способствует их распространению и в конечном счете созданию новых отраслей и модернизации производства во всей экономике. В этом случае наращивание дефицита торгового баланса, покрываемого иностранными займами, ведет к завышению валютного курса. Д. Родрик показал, как такое завышение при наличии экстерналии обучения может приводить к ускорению роста⁷. Однако наращивание долга имеет естественные пределы, поэтому политика импортозамещения в чистом виде не может продолжаться слишком долго.

По мере развития экспорта эффективность связанной с ним положительной экстерналии также убывает. На третьей стадии накопление резервов играет уже иную роль: оно служит сигналом о том, что экономика развивается успешно и тем самым способствует привлечению иностранных инвестиций. При этом политика накопления эффективна, если приток капитала с лихвой покрывает его «утечку» в

⁷ *Rodrik D. Disequilibrium Exchange Rates as Industrialization Policy // Journal of Development Economics. 1986. Vol. 23. P. 86–106.* На первый взгляд, этот вывод противоречит результатам ряда эмпирических работ (*Dollar D. Outward-oriented Developing Economies Really Do Grow More Rapidly: Evidence from 95 LDCs, 1976–1985 // Economic Development and Cultural Change. 1992. Vol. 40. No 3. April. P. 523–544; Easterly W. The Lost Decades: Explaining Developing Countries Stagnation 1980–1998. World Bank, 1999*), где показано, что завышение валютного курса препятствует экономическому росту. На самом деле здесь нет противоречия: неравновесный валютный курс по-разному влияет на экономический рост в зависимости от стадии модернизации.

резервы. В этом случае поддерживается высокий темп роста производства несмотря на повышение реального валютного курса.

На стадии развитого рынка, когда экономика страны достаточно открыта и инвесторы получают информацию по более прямым каналам, резервы перестают быть инструментом стимулирования роста. Поэтому развитые страны обычно поддерживают величину золотовалютных резервов на уровне трех–пятидесятилетнего импорта.

Пусть ΔR – прирост отношения «резервы/ВВП» в 1975–1999 гг. в процентных пунктах. Мы предполагаем, что ΔR содержит две составляющих. Одна из них – ΔR_{obj-1} , определяется необходимостью реагировать на текущие шоки, чтобы поддерживать стабильный внешнеторговый баланс. Мы выделяем эту составляющую, регрессируя прирост резервов на десятичный логарифм начального душевого ВВП (обозначаемого через Y), среднее отношение объема внешней торговли к ВВП Tr/Y (в %) и на увеличение этого отношения за период $\Delta[Tr/Y]$. Получаем:

$$\Delta R_{obj-1} = 38 - 11.4 \log Y + 0.1(Tr/Y) + 0.24(\Delta[Tr/Y]), N = 82, R^2 = 34\%. \quad (2)$$

Все коэффициенты в (2) значимы на уровне 1%. Далее мы берем разность фактических значений прироста резервов и значений, вычисленных из (2), определяя тем самым другую составляющую прироста резервов ΔR_{pol-1} . Мы рассматриваем ее как экзогенную переменную политики, выбираемую для стимулирования экономического роста. Ее влияние характеризует следующая регрессия:

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + 0,1\Delta R_{pol-1}(66,7 - Y_{75}), N = 40, R^2 = 49\%. \quad (3)$$

Все коэффициенты в (3) значимы на 5-процентном уровне. В качестве контрольных переменных использовались сконструированный выше индекс остаточной коррупции CR (см. (1)), средний темп роста населения и Y_{75} (знаки коэффициентов при всех контрольных переменных отрицательны).

Согласно (3), накопление резервов стимулирует экономический рост в относительно бедных странах, но влияние этого инструмента уменьшается по мере приближения душевого ВВП к критическому значению, составляющему

около 67% американского уровня. Для богатых стран использовать политику накопления резервов для стимулирования роста не имеет смысла⁸.

Отметим, что для всех стран, для которых $Y_{75} > 67\%$ (и, следовательно, накопление резервов не стимулирует рост) индекс остаточной коррупции $CR > 8,5$, то есть, согласно (4) – см. следующий раздел, тарифная политика также не ускоряет рост. Это означает, что в процессе приближения страны к уровню передовых экономик сначала утрачивает свою роль тарифная политика, а уже потом – накопление резервов. Таким образом, приведенные расчеты подтверждают концепцию стадий.

Мы использовали и другой показатель увеличения резервов, очищенный от воздействия объективных факторов (государственный долг и внешний долг в % к ВВП, доля торговли в ВВП и ее увеличение), на основе регрессии:

$$\Delta R_{obj-2} = 3.3 - 0.6(DS/Y) + 0.06(ED/Y) + 0.2(T/Y) + 0.28(\Delta T/Y), N = 59, R^2 = 36\% . \quad (2a)$$

Все коэффициенты в (2a) значимы на уровне 7% и менее.

В этой регрессии оказывается меньше точек из-за отсутствия данных по внешнему и государственному долгу за весь период 1975–1999 гг., однако коэффициент детерминации несколько выше, чем в предыдущем случае. На основе этой регрессии мы вычислили второй показатель увеличения резервов, очищенный от воздействия объективных факторов, – ΔR_{pol-2} . Влияние этого показателя накопления резервов характеризуется следующей регрессией:

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + 0,08\Delta R_{pol-2}, N = 49, R^2 = 55\% \quad (3a)$$

⁸ Очень бедные страны не накапливают избыточные резервы. Чтобы учесть это обстоятельство, следовало бы предусмотреть в регрессии два критических уровня. Это, однако, потребовало бы большего объема данных.

Все коэффициенты в (3а) значимы на уровне 9% и менее; контрольные переменные: средний темп роста населения; плотность населения; Y_{75} и индекс инвестиционного климата в 1984–1990 гг.

Порога в данном случае найти не удалось, что, видимо, связано с тем, что развитые страны из-за пропусков данных в выборке практически отсутствуют (Y_{75} для всех стран меньше 60% от уровня США). В дальнейшем мы используем оба показателя увеличения резервов, определяемого факторами экономической политики.

После 2000 г. Россия стала быстро накапливать золотовалютные резервы, хотя ее преимущественно сырьевой экспорт вряд ли характеризуется значительным экстернальным эффектом. Накопление резервов используется для защиты внутреннего производства. Рациональность такой политики вызывает сомнение. Более подходящий инструмент для достижения этой цели – тарифы на импорт (при уменьшении коррупции). Но даже и в нынешних условиях для стимулирования экономического роста следовало бы сочетать накопление резервов с проведением промышленной политики, направленной на повышение конкурентоспособности несырьевых отраслей.

Изменение тарифов

Основная задача политики импортных тарифов – защита внутреннего производства от деструктивной конкуренции иностранных фирм. В то же время тарифы увеличивают цену импортной продукции для потребителей и снижают стимулы к совершенствованию производства. Эффективная тарифная политика должна быть селективной и поэтому неизбежно приводит к интенсификации отраслевого лоббирования. Каждое лобби стремится изменить тарифы в пользу своей отрасли. При слабых институтах – высокой коррупции, плохом инвестиционном климате – выработка эффективной тарифной политики

затруднена. Поэтому масштабное использование тарифов целесообразно лишь на начальных стадиях модернизации, когда их значение для новых или восстанавливаемых отраслей производства особенно велико, а отраслевые лобби еще не успели сформироваться. В дальнейшем эффективность тарифов снижается, и, как было продемонстрировано в первой части работы, они постепенно заменяются политикой занижения реального валютного курса, реализуемой, в частности, путем накопления золотовалютных резервов. В настоящем и следующем разделах проверяется справедливость этих тезисов на статистических данных.

Используя показатель остаточной коррупции, получаем регрессионное соотношение, объясняющее средний за период темп роста душевого ВВП, GR :

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + Tincr.(0,05 - 0,0003Y_{75} - 0,004CR), N = 39, R^2 = 38\%. \quad (4)$$

Все коэффициенты в (4) значимы на уровне 4% и менее. $Tincr.$ – показатель, характеризующий прирост среднего импортного тарифа (отношение среднего тарифа в 1980–1999 гг. к уровню этого показателя в 1971–1980 гг. в %). В качестве контрольных переменных, $CONTR.VAR.$, использовались темп роста населения в 1975–1999 гг. и средняя за 1960–1999 гг. доля чистого импорта топлива в общем объеме импорта. Последний показатель учитывает влияние так называемого «ресурсного проклятия» – страны-экспортеры топлива развиваются в среднем медленнее, чем импортеры.

В соответствии с (4), повышение тарифов способствовало экономическому росту в странах с относительно низким душевым ВВП и невысоким уровнем коррупции (экономики, в которых ВВП на душу населения составлял в 1975 г. менее 50% от аналогичного показателя США, а уровень остаточной коррупции – менее 10; последнее значение примерно соответствует середине списка стран – к их числу относились, например, Египет и Венгрия). Развитые страны не нуждались в увеличении тарифов, не приносило оно выгод и сильно

коррупцированными экономикам, поскольку в них уровни тарифов выбирались чиновниками, которые руководствовались отнюдь не желанием ускорить рост.

Для проверки устойчивости выводов мы воспользовались другим показателем силы институтов – индексом инвестиционного климата *IC* за 1984–1990 гг. (его значения измеряются по 100-процентной шкале, а фактически изменяются от 27 до 94). В итоге получилось следующее уравнение:

$$GR = CONST. + CONTR. VAR. + T(0,004IC - 0,002Y_{75} - 0,2), N = 87, R^2 = 51\%. \quad (4a)$$

Все коэффициенты в (4a) значимы на уровне 7%; контрольные переменные: плотность населения; численность населения; темпы роста населения; доля инвестиций в ВВП.

Согласно уравнению (4a), вклад тарифов в экономический рост тем больше, чем лучше инвестиционный климат и меньше душевой ВВП. Этот вклад может быть и положительным, и отрицательным. Стран, где увеличение тарифа положительно влияло на рост в 1975–1999 гг., насчитывалось всего 20 из 87⁹: Берег Слоновой Кости, Ботсвана, Буркина Фасо, Гамбия, Гонконг, Ирландия, Камерун, Кипр, Китай, Кения, Конго, Корея, Малави, Малайзия, Мальта, Папуа–Новая Гвинея, Португалия, Сенегал, Сингапур, Таиланд. Практически все наиболее быстро модернизовавшиеся в этот период страны входят в этот список, и некоторые из них действительно проводили протекционистскую политику.

Если в уравнение (4a) ввести линейные члены с показателями инвестиционного климата и ВВП на душу населения, то коэффициенты при тарифах теряют значимость, хотя для всех остальных показателей она остается высокой, и коэффициент детерминации даже немного повышается (до 54%). Аналогичная ситуация имеет место и для уравнения (4). Эти результаты позволяют предположить, что таможенные тарифы не влияют на экономический

⁹ Отметим, что согласно (4), таких стран было существенно больше.

рост. Таким образом, две гипотезы – о наличии порога и об отсутствии влияния – оказываются практически равноправными, и чтобы подтвердить или отвергнуть одну из них, требуются дальнейшие исследования.

Отметим, однако, что между средним за период уровнем тарифов и начальным душевым ВВП имеется устойчивая отрицательная связь:

$$T = 16,6 - 0,16 Y_{75}, N = 104, R^2 = 37.$$

Коэффициент значим на уровне менее 1%.

Это соответствует высказанной ранее гипотезе о том, что уровень тарифов должен уменьшаться по мере модернизации экономики. Возможно, что неустойчивость влияния тарифов в регрессиях с контролем на (относительный) душевой ВВП возникает как раз из-за коррелированности этих показателей, связанной с тем, что правительства, стремясь найти оптимальный уровень тарифов, снижают его при сокращении отставания от развитых стран.

Подчеркнем также, что мы рассматриваем уровень тарифов в агрегированном виде, игнорируя эволюцию их структуры в процессе импортозамещения. Эффект от увеличения тарифов на ранней стадии модернизации возникает, видимо, за счет повышенного обложения импорта конечной промышленной продукции, в то время как импорт инвестиционных товаров должен облагаться по низким ставкам или даже субсидироваться.

Выявить одновременное влияние тарифов и политики накопления золотовалютных резервов позволяет следующее регрессионное уравнение:

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + T(0,15 - 0,008Y_{75}) + \Delta R_{pol-2}(0,21 - 0,01T), N = 48, R^2 = 69\% \quad (46)$$

Все коэффициенты в (46) значимы на уровне 5% и менее; контрольные переменные – логарифм ВВП на душу населения в 1975 г. по паритету покупательной способности, темпы роста населения в 1975–1999 гг., доля инвестиций в ВВП в 1975–1999 гг., индекс остаточного

инвестиционного климата в 1984–1990 гг. (рассчитанный как остаток из регрессии уровня инвестиционного климата на ВВП на душу населения в 1975 г. – см. сноску 2).

Это уравнение отличается от предыдущих в лучшую сторону. Во-первых, в нем ВВП на душу населения и качество институтов в начале/середине периода присутствуют как контрольные переменные; во-вторых, наряду с тарифами в нем есть показатель накопления золотовалютных резервов¹⁰. Из этого уравнения следует, в частности, что только страны с ВВП на душу населения менее 19% от уровня США ($0,15/0,008 = 19$) могли стимулировать рост с помощью таможенных тарифов, да и то при условии, что они не слишком быстро накапливали резервы сверх объективных потребностей (частная производная роста по тарифам равна $0,15 - 0,008Y_{75} - 0,01\Delta R_{\text{pol-2}}$). Таким образом, увеличение резервов (протекционизм валютного курса) и таможенный протекционизм были в определенной мере взаимозаменяемыми.

Регулирование трансграничного движения капитала

Традиционная мудрость, согласно которой движение капитала через национальные границы должно быть как можно более свободным, похоже, уходит в прошлое. Результаты все большего числа исследований свидетельствуют о том, что прямой связи между свободным движением краткосрочного капитала и экономическим ростом нет¹¹. Если до азиатского кризиса 1997 г. международные

¹⁰ В данном случае мы используем $\Delta R_{\text{pol-2}}$, то есть прирост отношения «резервы/ВВП», очищенный от воздействия объективных факторов (внешний и государственный долг, доля торговли в ВВП и ее увеличение), на основе (2а).

¹¹ *Stiglitz J.E.* Capital Market Liberalization, Economic Growth, and Instability // World Development. 2000. Vol. 28 No 6. P. 1075–1086; *Singh A.* Capital Account Liberalization, Free Long-term Capital Flows, Financial Crises and Economic Development. Queens' College, University of Cambridge, 2002 (http://www.networkideas.org/feathm/dec2002/Ajit_Singh_Paper.pdf).

финансовые организации, особенно МВФ и ОЭСР, рекомендовали развивающимся странам снять ограничения на займы за рубежом и вывоз капитала, сегодня преобладает мнение о том, что издержки либерализации, связанные с макроэкономической нестабильностью, слишком высоки, а выгоды такой либерализации отнюдь не очевидны¹². МВФ недавно признал, что для развивающихся стран открытость по капитальным операциям увеличивает риск финансовых кризисов¹³.

Сказанное относится не только к краткосрочному капиталу, но и к прямым иностранным инвестициям¹⁴. Далеко не все страны – реципиенты прямых инвестиций в крупных объемах смогли обеспечить высокие темпы экономического роста. В числе 12 стран, получавших прямые инвестиции в размере 2% ВВП в год и более, находятся Боливия (где ВВП на душу населения в этот период сокращался в среднем на 0,2% год), Папуа–Новая Гвинея (+0,3% в год), Свазиленд (+1% в год).

Возможно, что приток прямых иностранных инвестиций в страны с плохим инвестиционным климатом в действительности приносит больше издержек, чем выгод. Во-первых, имеет место своего рода самоотбор инвесторов: если инвестиционный климат неблагоприятен, в страну приходят иностранные инвесторы, ориентированные главным образом на быстро окупающиеся и/или ресурсные проекты, в которых выгоды от передачи технологии в лучшем случае ограничены. Во-вторых, иностранные инвесторы не реинвестируют прибыли в странах с плохим предпринимательским климатом, поэтому со временем отток прибылей начинает превышать начальный приток инвестиций. В-третьих,

¹² *Монтес М.Ф., Попов В.В.* Указ. соч.

¹³ *Prasad E., Rogoff K., Wei Sh.-J., Kose M.* Effects of Financial Globalization on Developing Countries: Some Empirical Evidence. IMF, 2003, March 17.

¹⁴ *Rodrik D.* Industrial Policy for the Twenty-First Century: KSG Faculty Research Working Paper 04-047. Harvard University, 2004 (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik/UNIDOSep.pdf>).

способность страны «переварить» приток иностранных инвестиций зависит от уровня образования, развития инфраструктуры, институционального потенциала, и т. д. Есть свидетельства того, что эффективность прямых иностранных инвестиций зависит от уровня развития финансового сектора¹⁵.

Следующая регрессия, связывающая экономический рост с притоком прямых иностранных инвестиций и инвестиционным климатом, подтверждает нашу гипотезу:

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + 0,024*FDI (IC -71,3), N = 47, R^2 = 52\%, \quad (5)$$

где: *FDI* – средний приток иностранных инвестиций в % к ВВП за 1980–1999 гг., *IC* – средний индекс инвестиционного климата за 1984–1990 гг. (принимает значения от 0 до 100). Все коэффициенты значимы на уровне 2%, контрольные переменные: начальный ВВП на душу населения; доля инвестиций в ВВП; темпы роста населения.

Согласно (5), прямые иностранные инвестиции способствуют росту в странах с хорошим инвестиционным климатом, но препятствуют ему в странах, где деловой климат неблагоприятен. Заметим, что критический уровень 71% соответствовал значению *IC* в конце 1980-х годов в таких странах, как Испания, Португалия, Корея. Без включения в качестве контрольной переменной доли инвестиций в ВВП порог оказывается несколько ниже – 65% (уровень Габона, Китая, Кипра, Таиланда).

Отметим, что если наряду с интерактивным членом включить в уравнение слагаемое, линейно зависящее от индекса инвестиционного климата, то только оно оказывается незначимым. При его включении вместо интерактивного члена коэффициент детерминации падает до 50% и прямые иностранные инвестиции

¹⁵ Nyatepe-Coo A. Foreign Direct Investment and Economic Growth in Selected LDCs, 1963-92 // Levy-Livermore A. (ed.) Handbook on the Globalization of the World Economy. Cheltenham, UK, 1998.

теряют значимость. Таким образом, выбор зависимости вида (5) является достаточно естественным.

Имитация и создание новых технологий

Еще один важный вопрос касается соотношения импорта технологий и собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР). В какой мере развивающаяся страна должна полагаться на закупку технологий за рубежом, а в какой – на собственные НИОКР?

В недавней работе предложена модель, демонстрирующая, что если технологическое отставание от передовой страны велико, то лучше полагаться на имитацию. Однако по мере приближения к уровню передовых стран инновации становятся все более важными для дальнейшего развития¹⁶. Этот вывод довольно естественен: отставшая страна может заимствовать хорошо опробованные и уже не защищаемые патентами технологии.

Обратимся к статистическим данным. Для периода 1980–1999 гг. мы располагаем всего 28 наблюдениями, так как сопоставимая статистика роялти и расходов на покупку лицензий есть не во всех странах. Несмотря на это регрессионный анализ дает значимые результаты:

$$GR = CONST. + CONTR. VAR. + 0,136TT (20,9 - Y_{75} + 20,2R\&D), N = 28, R^2 = 66\%, \quad (6)$$

где: TT – средний чистый импорт технологии в % к ВВП в 1980–1999 гг., $R\&D$ – затраты на НИОКР в % к ВВП в 1980–1999 гг. Контрольные переменные: индекс

¹⁶ *Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F.* Distance to Frontier, Selection, and Economic Growth. June 25, 2002 (http://post.economics.harvard.edu/faculty/aghion/papers/Distance_to_Frontier.pdf). См. также: *Polterovich V., Tonis A.* Innovation and Imitation at Various Stages of Development: A Model with Capital. New Economic School Working Paper 2005/048, 2005.

инвестиционного климата IC в 1984–1990 гг. и среднее отношение инвестиций к ВВП за 1975–1999 гг. Все коэффициенты значимы на 1-процентном уровне.

Согласно (6), импорт технологий сам по себе способствует экономическому росту в странах, подушевой ВВП которых не превосходит 21% американского, но по мере роста благосостояния, чтобы оказывать положительное влияние на рост, он должен во все большей степени дополняться собственными НИОКР. Для стран, чей ВВП на душу населения превышает 50% от уровня США, импорт технологий приносит плоды, только если собственные НИОКР составляли не менее 1,5% ВВП (Венгрия, Израиль, Южная Корея).

Полученный результат вполне ожидаем. Внедрение самых передовых технологий требует вложений в собственные научные исследования, потому что новейшие технологии, как правило, нуждаются в доработке, не говоря уже о необходимости их приспособления к технологической и институциональной среде реципиента. Чем более развита экономика, тем более передовые технологии она заимствует, и тем в большей мере успех имитации зависит от собственного научного потенциала.

Если в регрессию (6) включить только один из линейных членов (Y_{75} или $R\&D$), то он оказывается незначимым, хотя значимость других переменных сохраняется. Если же оба линейных члена (Y_{75} и $R\&D$) присутствуют в регрессии, то она разрушается. Наконец, регрессия только с линейными членами (без интерактивных) имеет такой же коэффициент детерминации, что и (6), но заметно меньшие t -статистики всех коэффициентов. Следовательно, нелинейная форма связи (6) оказывается предпочтительнее линейной.

Миграция

Главные барьеры, разделяющие сегодня страны, установлены не на путях движения товаров или капитала, а на путях миграции людей. Как пишет Д.

Родрик: «Если бы творцы мировой политики были действительно заинтересованы в максимизации экономической эффективности в глобальном масштабе, они бы не тратили особых сил на новые раунды торговых переговоров или на создание новой международной валютно-финансовой системы. Они все были бы заняты либерализацией ограничений на международную миграцию»¹⁷.

В отношении миграции современный мир гораздо менее «глобализирован», чем сто лет назад. С 1850 по 1914 г. миграция «Север – Север» (из Европы в Северную Америку) достигла 60 млн человек, тогда как миграция «Юг – Юг», возможно, была еще больше¹⁸. Международные миграционные потоки накануне Первой мировой войны составляли около 2 млн человек ежегодно. Таким образом, они были не менее масштабными в абсолютном выражении и примерно в четыре раза интенсивнее в процентах к численности населения, чем сегодня. Достаточно сказать, что в XIX в. население США за счет иммиграции увеличивалось ежегодно на целый процент, а в 1990-е годы – только на 0,3%. При этом транспортные издержки миграции сократились до минимума, а ставки заработной платы к началу XXI в. различались на два порядка (в 2000 г. – 32 долл. в час в Германии и 0,25 долл. в час в Индии).

Значит, стимулы к международной миграции скорее всего возросли. Ее фактического увеличения не произошло только потому, что западные страны значительно ужесточили миграционный контроль. Их миграционная политика формируется на основе сопоставления выгод, получаемых от иммиграции квалифицированных специалистов («утечка мозгов» из развивающихся стран), и

¹⁷ *Rodrik D.* Comments at the Conference on «Immigration Policy and the Welfare State». Trieste, June 23rd, 2001.

¹⁸ *Williamson J.G.* Winners and Losers over Two Centuries of Globalization: WIDER Annual Lecture 6. UNU–WIDER, November 2002.

потерь, возникающих из-за необходимости делиться с вновь прибывающими мигрантами общественными благами и социальными трансфертами¹⁹.

Следующее регрессионное уравнение характеризует влияние чистой иммиграции на экономический рост:

$$GR = CONST. + CONTR.VAR. + 3,13M (\log Y - 2,94), N = 106, R^2 = 44\%, \quad (7)$$

где: Y – ВВП на душу населения по ППС в 1975 г., M – чистая иммиграция в % к населению принимающей страны в 2000 г. ВВП на душу населения в 1975 г. Контрольные переменные: средний темп роста населения и доля инвестиций в ВВП в 1975–1999 гг.

Уравнение (7) определяет пороговое значение душевого ВВП, при достижении которого увеличение чистой иммиграции начинает оказывать положительное влияние на экономический рост. Порог равен 890 долл. на душу населения по ППС в 1975 г. Это уровень Боливии и Берега Слоновой Кости ($\log 890 = 2,94$). В более бедных странах воздействие иммиграции на рост было отрицательным, а в более богатых – положительным. Возможное объяснение состоит в том, что бедные страны не в состоянии следовать рациональной иммиграционной политике. Мигранты, прибывающие в них, менее образованы (например, беженцы из других бедных стран), чем население принимающей страны в среднем, так что воздействие такой иммиграции на рост душевого ВВП отрицательно (увеличение темпов роста рабочей силы, подрывающее повышение капиталовооруженности). Напротив, иммиграция в более богатые страны состояла из более квалифицированных рабочих²⁰, так что выгоды от импорта человеческого капитала перекрывали издержки от замедления роста капиталовооруженности.

¹⁹ *Wellisch D., Walz U.* Why Do Rich Countries Prefer Free Trade over Free Migration? The Role of the Modern Welfare State // *European Economic Review*. 1998. Vol. 42. P. 1595–1612.

²⁰ 67% иммигрантов в США и 88% иммигрантов в страны ОЭСД имеют по крайней мере среднее образование и в целом гораздо более образованы, чем остальное население стран, из

При исключении контрольных переменных (ВВП на душу населения, доля инвестиций в ВВП) коэффициент детерминации уменьшается, но значимость коэффициентов сохраняется, и порог по душевому ВВП практически не меняется. Уравнение (7), конечно, неявно предполагает, что соотношения миграционных потоков в 2000 г. и в 1975–1999 гг. отличались не слишком сильно. К сожалению, из-за отсутствия данных мы не можем проверить это вынужденное допущение.

Поддерживать ли малые предприятия или крупные фирмы?

Один из важных вопросов в области промышленной политики состоит в том, что нужно развивать в первую очередь: малый и средний или крупный бизнес? Мы не располагаем систематическими данными о концентрации производства по достаточному массиву стран, поэтому не можем применить использованный выше подход для анализа ее влияния на экономический рост. В данном разделе мы ограничимся обсуждением теоретических аргументов и спорадических данных, показывающих, как менялась роль больших и малых фирм в быстро развивавшихся экономиках.

Сторонники максимального дерегулирования советовали правительствам стран с переходной экономикой прекратить поддержку большинства крупных предприятий с тем, чтобы основу промышленной структуры составляли главным образом малые и средние предприятия²¹. В недавнем исследовании Всемирного банка необходимость поддержки малых и средних фирм для ускорения экономического роста рассматривается как важный урок первого десятилетия

которых они уехали (*Adams R.* International Migration, Remittances and the Brain Drain: A Study of 24 Labor-Exporting Countries: World Bank Policy Research Working Paper 3069. June 2003).

²¹ См., например: *Blanchard O., Dornbush R., Krugman P., Layard R., Summers L.* Reform in Eastern Europe. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1991.

реформ²². Один из аргументов состоит в том, что доля малых предприятий в общей занятости и в производстве добавленной стоимости в развитых странах, а также в Венгрии, Чехии и Польше гораздо выше, чем в странах СНГ.

Однако, исходя из опыта успешно развивающихся экономик и теоретических соображений, можно заключить, что и в этом случае проведение рациональной политики зависит от стадии модернизации экономической системы. Обычно крупные корпорации играют решающую роль на стадии инициации экспортно-ориентированного роста и в начале стадии стимулирования ускоренного развития. По мере совершенствования рыночных институтов все большее значение приобретает развитие малых и средних предприятий. Разумеется, в определенной мере малые и средние предприятия целесообразно поддерживать на всех стадиях, но речь идет о нахождении рационального баланса в рамках ограниченных возможностей.

Сформулированная гипотеза частично подтверждается эволюцией промышленной политики в отношении малых и больших фирм в странах Юго-Восточной Азии. В 1950-е годы “промышленная политика доминировала над политикой конкуренции и в Японии, и в Южной Корее”²³, причем в первую очередь поддерживались крупные компании (чаеболи в Корее, кейрецу – в Японии).

В Японии четыре главных дзайбацу (zaibatsu) – могущественные семейные торговые группы, возникшие еще в XIX в. и преобразованные в холдинги в период Тайшо (1912–1926 гг.), контролировали в 1945 г. 25% всего капитала в промышленности, торговле, финансовой сфере и на транспорте (10 крупнейших дзайбацу – 35% капитала). В 1945–1950 гг. американские

²² Переходный период: анализ и уроки первого десятилетия для стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза / Всемирный банк. М.: Весь Мир, 2002.

²³ *Amsden A., Singh A.* The Optimal Degree of Competition and Dynamic Efficiency in Japan and Korea // *European Economic Review*. 1994. Vol. 38. Issue 3–4. P. 948.

оккупационные власти попытались расформировать дзайбацу, передав их акции Комиссии по ликвидации холдинговых компаний (Holding Company Liquidation Commission), которая продавала их новым владельцам и выплачивала компенсации старым. Однако с началом корейской войны 1950 г., когда потребовалось быстро восстановить японский промышленный потенциал для противостояния «коммунистической угрозе» в Азии, эта политика была свернута. Главные довоенные дзайбацу (Мицуи, Мицубиси и Сумитото) возродились в форме реорганизованных бизнес-групп, тогда как компании из других дзайбацу вошли в новые бизнес-группы, сложившиеся вокруг банков. К концу 1980-х годов на шесть главных бизнес-групп приходилось 15% продукции всех нефинансовых корпораций²⁴ – меньше, чем в 1945 г., но все еще значительно больше, чем в других развитых странах.

По мнению К.У. Ли, временное повышение концентрации производства на начальных стадиях модернизации – вполне закономерное явление. В 1960–1970-е годы коэффициент концентрации по трем фирмам в отраслях промышленности продукции составлял в Корее 62%, в Японии – 56%²⁵.

В 1980-е годы, после нефтяного кризиса, в промышленной политике Южной Кореи и Тайваня произошел сдвиг от прямой поддержки отдельных отраслей и фирм к проведению менее селективной стратегии. Правительства этих стран отказались от дальнейшей помощи тяжелой и химической промышленности в пользу создания стимулов для развития наукоемких отраслей. Соответственно возросла поддержка малого и среднего бизнеса. Так, в Корее банки должны были не менее 35% имеющихся у них вкладов инвестировать в малые и средние фирмы²⁶. На Тайване в первой половине 1980-х годов государство значительно сократило объем своих инвестиций, предоставив возможность осуществлять их

²⁴ Lee K.U. Competition Policy, Deregulation and Economic Development: The Korean Experience. Korea Institute for Industrial Economics and Trade, 1998.

²⁵ Op. cit.

²⁶ Auty R.M. Competitive Industrial Policy and Macro Performance: Has South Korea Outperformed Taiwan? // The Journal of Development Studies. 1997. Vol. 33. No 4. P. 445–463.

частному сектору. Проводимая одновременно с этим либерализация финансовой системы и внешней торговли дополнительно стимулировала развитие малых и средних форм бизнеса.

Тем не менее и в Японии, и в Корее, и на Тайване крупные предприятия продолжали играть ключевую роль. Ряд авторов полагают, что в изменившихся условиях поддержка крупных предприятий оказалась чрезмерной, что стало тормозить развитие. Системы кэйрецу и чаеболов, считавшиеся мотором экономического роста в 1960–1970-е годы, называют причиной стагнации японской экономики в 1990-е годы и кризиса в Корее и Японии в 1997 г.²⁷ Утверждается, что чаеболы, находившиеся в 1960-1980 годы под жестким контролем государства, постепенно приобретали все большее влияние и в начале 1990-х годов добились финансовой либерализации. Реформа предоставляла им больше возможностей для заимствований, в том числе и за границей. Между тем прибыльность чаеболов быстро падала, а долги росли²⁸. Не справившись с задачей переключения, корейская экономика оказалась в глубоком кризисе.

Таблица

Страны	ВВП на душу населения по ППС относительно США, %	Рыночная капитализация 15 крупнейших компаний в % к ВВП

²⁷ *Morck R., Nakamuro M.* Japanese Corporate Governance and Macroeconomic Problems: Harvard Institute of Economic Research Discussion Paper 1893, 1999 (<http://www.economics.harvard.edu/hier/2000list.html>); *Lim Y.* Restructuring of Corporate Sector and Conglomerates in Post-Crisis Korea: Preliminary Draft. Prepared for International Forum on Economic Reforms in Korea and Implications for Japanese Economy, August 2003.

²⁸ *Lee C.H., Lee K., Lee K.* Chaebol, Financial liberalization, and Economic Crisis: Transformation of Quasi-internal Organization in Korea: Seoul National University Working Paper 00-4. April 2000.

	(1994 г.)	(1996 г.)
Филиппины	10,6	46,7
Индонезия	13,9	21,5
Таиланд	26,9	39,3
Корея	39,9	12,9
Тайвань	65,0	17,0
Япония	76,8	2,1

Источники: Claessens S., Djankov S., Lang L. The Separation of Ownership and Control in East Asian Corporations // Journal of Financial Economics. 2000. Vol. 58. P. 81–112; From Plan to Market: World Development Report / World Bank. Oxford University Press, 1996.

Как видно из данных таблицы, в быстро развивающихся странах концентрация собственности убывает по мере их приближения к показателям развитых экономик²⁹. Так, в Японии, достигшей к 1996 г. европейского уровня благосостояния, 15 богатейших семей владели собственностью, равной всего 2,1% ВВП. Заметим, что, по данным журнала *Forbes*, аналогичная цифра для США в 1998 г. составляла 2,9%.

Изложенные факты, касающиеся эволюции государственной политики в отношении крупных и малых фирм в странах Юго-Восточной Азии, в целом согласуются с гипотезой стадий. Рассмотрим теперь причины, обуславливающие описанный выше характер эволюции.

У малых предприятий есть свои преимущества – простота управления и более гибкая организация производства, выигрыш в эффективности из-за возможности специализироваться на узком направлении деятельности, в ряде случаев большая готовность внедрять новые продукты и технологии. Вовлечение в бизнес новых предпринимателей и менеджеров придает экономике

²⁹ Концентрация собственности в каждой стране определяется многими факторами и не связана жестко с уровнем ВВП. Так, подушевой ВВП Малайзии в 1994 г. составлял 32,6% от уровня США, а 15 богатейших семей владели собственностью стоимостью 76% ВВП. (*Claessens S., Djankov S., Lang L. Op. cit.*)

динамичность. Большое число производителей в отрасли формирует более здоровую конкурентную среду. Поэтому роль малого и среднего бизнеса в развитых странах возрастает. Поскольку малые фирмы более чувствительны к колебаниям экономической конъюнктуры, создание благоприятных условий для их деятельности (например, освобождение от части налогов или отсрочка их выплаты) особенно важно для выживания таких компаний. Меры по государственной поддержке малого и среднего бизнеса нередко включают не только финансовое стимулирование (например, доступ к дешевым кредитам), но и обеспечение координации производителей, что способствует реализации создаваемых ими экстерналий. К числу подобных мер относятся поддержка связей между фирмами, облегчение обмена информацией и доступа к общим данным.

Однако, если рыночная инфраструктура несовершенна и соответственно велики издержки рыночных трансакций, то неизбежен спонтанный процесс укрупнения фирм. Обычно в пользу вертикальной интеграции приводятся следующие аргументы: сокращение трансакционных издержек; эффект масштаба; увеличение прибыли за счет ликвидации монопольной власти поставщиков или потребителей, исчезающей после их объединения³⁰; использование экстерналий и исследований и разработок.

При несовершенных институтах перечень оснований для интеграции существенно расширяется. В плохой институциональной среде, характерной для периода инициации роста, малый размер предприятия оказывается серьезным недостатком. Такое предприятие не способно защитить себя ни от посягательств со стороны преступных группировок, ни от поборов со стороны коррумпированных чиновников. Оно несет бремя высоких издержек взаимодействия с поставщиками и потребителями, нередко прибегая к помощи «крыш» для реализации своих имущественных прав. При неразвитости кредитной

³⁰ Хэй Д., Моррис Д. Теория организации промышленности. Т. 2. Санкт-Петербург: Экономическая школа, 1999. С. 101–110.

системы, в обстановке взаимного недоверия между экономическими субъектами малые предприятия вынуждены платить за кредиты по завышенным ставкам. Чтобы выжить, им приходится уходить «в тень», поддерживая тот самый институциональный климат, жертвами которого они являются.

Укрупнение корпораций способствует решению проблемы кредитования, частично снимает проблему бартера и неплатежей, облегчает сбор налогов, препятствует криминализации, создает большую гибкость в использовании рабочей силы при несовершенном рынке труда³¹. Крупные корпорации характеризуются далеким плановым горизонтом и потому могут служить опорой стратегического планирования. Обеспечение рационального баланса между антимонопольными мерами по сдерживанию развития корпораций и их поддержкой является неременным условием успешности долгосрочной промышленной политики.

Отметим предложенную рядом авторов модель, демонстрирующую целесообразность интеграции на относительно низкой ступени технологического развития и дезинтеграции после преодоления некоторого критического уровня³². Основной аргумент состоит в том, что управление крупной компанией требует большого объема рутинной деятельности. Это совместимо с задачами заимствования технологий, характерными для относительно отсталых экономик, но препятствует инновационной активности, необходимой для развития систем, близких к мировой технологической границе.

Важнейшая причина интеграции, проявляющаяся на стадии инициации экспортно-ориентированного роста, состоит в том, что у крупных фирм гораздо

³¹ Дементьев В. Интеграция предприятий и экономическое развитие: Препринт WP/98/038. М.: ЦЭМИ РАН, 1998.

³² Acemoglu D., Aghion Ph., Zilibotti F. Vertical Integration and Distance to Frontier. August 2002 (http://post.economics.harvard.edu/faculty/aghion/papers/vertical_integration.pdf).

больше шансов преодолеть барьеры входа на мировой рынок и в дальнейшем выдерживать конкуренцию с фирмами развитых стран.

Любая промышленная политика (а не только направленная на стимулирование развития крупных компаний) по своей природе ограничивает действие конкурентных сил, давая преференции отраслям, секторам, регионам и т. д., и, таким образом, сопряжена с неизбежными издержками. Однако по указанным выше причинам на определенных стадиях модернизации выгоды такой политики, видимо, перевешивают издержки.

Понимание динамики рационального соотношения между крупными и малыми фирмами особенно важно в период широкомасштабных реформ. В России в 1992–1993 гг. был взят курс на дезинтеграцию отраслевых объединений. Позднее, когда вследствие интенсивных интеграционных процессов возникли финансово-промышленные группы, государство фактически предоставило их самим себе, не контролируя и не оказывая систематической поддержки. В результате по уровню концентрации собственности Россию можно было сравнить с Японией или Кореей в 1960–1970-е годы³³. Однако российские ФПГ стали не мотором экономического роста, а скорее – в союзе с государственными чиновниками – агентами перераспределения собственности. Ситуация стала меняться лишь после кризиса 1998 г., когда возможности перераспределения существенно сократились.

В противоположность этому в Китае в период реформ 1980–1990-х годов государство стремилось сохранить налаженные в прошлом хозяйственные связи, реализовать экономию от масштаба и вывести крупные производства на конкурентоспособный уровень³⁴. С 1978 г. китайское правительство поощряло

³³ *Guriev S., Rachinsky A.* The Role of Oligarchs in Russian Capitalism // *Journal of Economic Perspectives*. 2005. Vol. 19. No 1.

³⁴ *Nolan P.* Large Firms and Industrial Reform in Former Planned Economies: The Case of China // *Cambridge Journal of Economics*. 1996. Vol. 20. P. 1–29.

предприятия, перенимавшие опыт японских кейрецу. С 1986 г. оно инициировало формирование бизнес-групп под непосредственным контролем Государственного Совета, а позднее – специальной комиссии. Одной из задач бизнес-групп стало развитие экспортных производств³⁵. При этом трансформация прав собственности на средства производства происходила постепенно: сначала расширение прав пользования государственной собственностью; затем появление в государственном секторе нанятых управляющих; потом – перекрестные инвестиции между предприятиями, образование совместных предприятий, интеграция и слияние предприятий с превращением их в самостоятельные фирмы. В результате издержки трансформации оказались существенно меньше.

* * *

Эволюция экономической политики – важнейший и малоизученный объект исследования. Предложенная выше концепция стадий нуждается в дальнейшей разработке. Хотя в представленных расчетах фигурируют относительные характеристики стран, использованная методология не позволяет строго различать абсолютные и относительные стадии модернизации. С этой целью следовало бы сопоставить страны, решающие задачи модернизации при разных уровнях благосостояния и технологии; было бы интересно выяснить, в какой мере кривые переключения зависят, в частности, от абсолютных значений душевого ВВП.

Тем не менее приведенные выше результаты показывают, что предлагаемая концепция стадий является необходимым ориентиром для выработки экономической политики. Из установленного выше факта существования критических уровней и из анализа опыта экономического развития следует принципиальный вывод, о котором мы уже упоминали в первой части данной работы: важно избегать как ошибок инерции, так и ошибок преждевременного

³⁵ *Ma X., Lu J.W.* The Critical Role of Business Groups in China: Ivey Business Journal Reprint No 9B05TC03. Ivey Management Services, May–June 2005.

переключения. Политика передовых стран должна являться для нас ориентиром, однако прибегать к ней нужно не раньше, чем созданы условия для ее успеха.

В свете предлагаемой концепции приходится заключить, что Россия еще не выполнила главных задач первой и второй стадий: обновления производственного аппарата и достижения конкурентоспособности несырьевых отраслей. Преждевременно установив низкие тарифы, мы лишили себя эффективного инструмента защиты внутреннего производства и вынуждены накапливать избыточные золотовалютные резервы. Мы слишком рано отказались от промышленной политики и слишком многого ждем от иностранных инвестиций, то есть делаем ставку на экономическую политику, характерную для третьей и четвертой стадий. Нельзя забывать об инновационной составляющей развития, но в первую очередь следует поощрять заимствование технологий. Ошибки преждевременного переключения нужно исправить, прежде чем они приведут российскую экономику к стагнации или даже вызовут кризис.